

* * *

Куда течет любовь по венам —
легко, беспечно, рококо?
Притворно пузырится пена,
соблазном манит далеко.

О, Рим, ты кажешься далеким,
и мы не встретимся опять.
Прощай! Языческие боги
зовут любить и умирать.

Янтарное вино Дженцано
струной звенит, гудит бедой,
велит скорей бежать к цыганам —
в шатер цыганки молодой.

Рекой под вздыбленные брови,
в костер, на яркий уголек.
Я утекаю, полнокровен,
в любовь — на северо-восток!

ПРИГЛАШЕНИЕ

Марии

День обнажен целомудренно чисто,
Воздух прозрачен, и взморье безмолвно,
Солнце взъерошило перья искристо,
Крики погонщиков, бляенье овна.

Знаю, любовь, ты не против аферы,
В чтении книги премного печали,
Мы отъезжаем на остров Киферы,
В девять сонливо кораблик отчалит.

Сергей Викторович Слепухин родился в 1961 году в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт. Стихи и эссе публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Белый ворон», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый берег», «Новый журнал», «Новая камера хранения», «Новая реальность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Урал», «Уральская новь», во II и III томах «Антологии современной уральской поэзии». Живет в Екатеринбурге.

Тяжестью камня меня подавляют
Жаркого Рима угрюмые боги,
Темной лепниной с небес нависают
Жезлы и крылья, в сандалиях ноги.

Там, на Кифере, прельстительно юной,
Форумов нет и бездушных фасадов,
Черных могильников скорбные луны
Прочь убегают от водопадов.

Кажутся там акведуки стадами,
Мехом кудрявятся шкуры бараньи,
Фавны с большими-большими глазами,
Запахи сена, вина и лазаньи.

Лишь камыши и склоненные травы,
Жалобы флейты и радуги дуги,
Ветер в тенетах священной дубравы,
Голубь в любви признается подруге.

Там мы исчезнем в гроте над морем,
Палуба мира качнется, растает...
Ты не согласна? Ну, что же мы спорим!
Эх, опоздали, корабль отплывает!..

* * *

Счастливые часов не замечают,
Им юный лучник голову дурит.
Стучат костяшки, в домино играют
Историки Пагеос и Дурид.

Фонтан с тритоном, обелиск Бернини,
Помпезное величье, синева...
Ко мне теснятся люди на картине,
От шумных криков пухнет голова.

Расслабленность, нежнейшая истома,
И — Рима размывается фасад,
Сорвался луч, не избежать излома,
Жизнь продолжается, но пятится назад.

* * *

Дремлет солнце над горкою крыш,
На кошачий похожее глаз,
Столбик дыма нахален и рыж,
Полдень мира, обеденный час.

Раскаленные пятна небес,
Глухо рама о ставень стучит,
Голубь сел на оконный отвес,
Отрешенно о чем-то молчит.

Камень в небе висит не дыша,
Над листвою сгущается пар,
Отслоилась от плоти душа
И помпейский не чувствует жар.

Все боится: не выдать, не сдать,
В испарение тела уйти,
Ведь потом не сумеешь опознать,
Никогда не найти, не найти...

* * *

Забыто всё — и Плиний, и Павсаний!
Небытие, мертворожденный Рим.
От августовских властных прикасаний
Скончался день и камень вместе с ним.

Пустеют белизною колизеи,
Солома солнца вянет, нежива,
В чернеющие сети ротозеи
Идут на голос, слышимый едва.

На выщербленных камнях ответ Бога
Не движется и в память не течет,
Плетенье времени, разбитая дорога,
Сердцебиений жалкий перечет...

НА АППИЕВОЙ ДОРОГЕ. ЭЛЕГИИ

Алексею Пурину

1.

Дорога Аппия — безлюдье и тревога,
В священных рощах сполохи цикад,
Над ней навис как символ эпилога
Померкнувшей империи закат.

Из скорлупы пустого саркофага
Течет вода, как вечная печаль,
И просит сепии небесная бумага,
И молит тракт нехоженная даль.

2.

Покой развалин, гор безмолвных кряжи,
Я — Адриан, а может, Антиной.
День упоен мечтательностью, даже
Не синевой — холодной белизной.

Комочки зелени цепляются за склоны,
Настырный плющ перелезает в грот,
Истертых плит чуть слышимые стоны
О времени, об участи пустот...

3.

Скамья в подножье кипарисов сонных,
Смолистых шишек невесомый стук,
Не ропщет мрамор, не гудят колонны,
Недвижен гермы каменный испуг.

Здесь даже в полдень сумеречно, летний
Жар отступает в гибельную тень,
Молчит фонтан, забыли птицы сплетни,
Холодный ключ и бесконечный день.

4.

Страна разбойников, пуссенов, эремитов,
Обломки стен — гипс, мрамор, травертин,
Зеленый мох на балюстрадах сбитых,
Вся роскошь цвета — для твоих картин.

Воспой ветвей чернеющие сети,
Ждет, вождедя, нимфу Полифем,
Амуры с крылышками, робкие, как дети,
Тритоны, nereиды, сон поэм.

5.

И тьма сжимается вокруг пустого тела,
И глаз Овидия становится темней,
И фаллос багровеет у Силена,
Но девы нет в ручье среди камней.

В сухом пейзаже выжженной Кампаньи
Колонна — как фабричная труба.
И жарко так, что ну его, свиданье!
Мой фавн устал, вьюнок ползет со лба...